Владимир Хулап

«Календарный вопрос»: соборные дискуссии в истории и современности

Vladimir Khulap

"The Calendar Question": Conciliar Discussions Throughout History and Today

Vladimir Khulap — St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church (Russia). v.khoulap@gmail.com

This article examines the role of church councils in reaching a common date for Easter in the first millennium (the Quartodeciman debates, the First Ecumenical Council and after), as well as attempts towards a pan-Orthodox solution of the calendar issue in the 20th century (with a special focus on Russia). The author shows that the calendar and paschal issues were repeatedly placed on the church agenda with different emphases: the desire for a common date for Easter in the first millennium; confessional differences after the Gregorian reform in the 16th century; and the search for a pan-Orthodox response to the changed socio-political conditions of the 20th–21st centuries. None of these efforts offered a fast, implementable, and commonly acceptable "formula" for solving the issue. The conciliar process has always played an important role in achieving unity and was an important counterweight to attempts at imposing a particular model "from above". The starting point for the considered discussions was liturgical variety, whose legitimate existence (not just in relation to the calendar and Easter tables) does not divide the Church, but, on the contrary, reveals its inner unity in the variety of liturgical forms. In this regard, the study of the calendar and paschal issues in the broader context of achieving and maintaining Church unity can contribute to the successful solution of other issues on the agenda of the forthcoming Pan-Orthodox Council.

Keywords: calendar, calendar reform, Pan-Orthodox Council, council, conciliarity, Orthodoxy, Orthodox Church.

Говоря о перспективах деятельности Всеправославного собора, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион особо подчеркнул его важность для выражения полноты всеправославного единства: «Если сегодня Поместные Церкви сумеют преодолеть внутренние разногласия и “единеми усты и единем сердцем” засвидетельствовать свое неотъемлемо присущее им единство, это будет важным и знаменательным событием. Это, безусловно, укрепит межправославное взаимодействие, это поможет сформулировать и озвучить всеправославную позицию по целому ряду актуальных вопросов, это сделает Православную церковь более консолидированной и способной отвечать на вызовы времени. Святой и Великий Собор Православной церкви может стать подлинным Торжеством Православия — при условии, конечно, что на нем в духе подлинного братолюбия и взаимного уважения будут учтены убеждения, традиции и взгляды всех поместных Православных церквей»[1]. Одним из вопросов, вызывавшим и продолжающим вызывать межхристианские и межправославные дискуссии, является проблема единого календаря и пасхалии. В настоящее время ряд Православных церквей (Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская, Польская) используют в своей жизни юлианский календарь, остальные — т.н. «новоюлианский», а Финляндская православная церковь живет и по западной григорианской пасхалии. В данной статье рассматривается роль соборов в решении пасхальной проблемы первого тысячелетия — важнейшей эпохи в жизни Церкви, когда формировалась и развивалась соборная традиция, а также обзор основных шагов на пути православного решения календарного вопроса (с акцентом на российской ситуации) в XX веке, который стал столетием подготовки к Всеправославному собору. Рамки статьи не позволяют представить подробную историческую картину развития церковного календаря и пасхалии или проанализировать лежащие в основе астрономические реалии, однако исследование календарно-пасхалической проблемы в более широком контексте достижения и сохранения церковного единства может способствовать успешному решению и других вопросов, находящихся на повестке дня грядущего собора.

1. *Иларион (Алфеев), митр.* Межправославное сотрудничество в рамках подготовки к Святому и Великому Собору Православной Церкви // Церковь и время. 2012. № 1 (58). С. 51–52.

Четыренадесятнические споры

Спор о дате празднования Пасхи во II веке стал первым недогматическим вопросом, который привел к серьезному внутрицерковному конфликту, вместе с тем продемонстрировав и наличие различных подходов к решению проблемы. Столкновение произошло между т.н. «четыренадесятниками», т.е. христианами, праздновавшими Пасху в иудейскую дату 14 нисана независимо от дня недели, и церковным большинством, совершавшим праздник в следующий за этой датой воскресный день[2]. Выразителями двух традиций стали епископы провинции Асия (западная Малая Азия) и Рима, проблема же впервые была озвучена ок. 155 г. при посещении св. Поликарпом Смирнским римского епископа Аникета. Ни одна сторона не смогла убедить другую отказаться от своей практики, и тем не менее церковное общение не было прервано: «Аникет… предоставил Поликарпу совершить в его церкви Евхаристию, и они расстались в мире друг с другом и в мире со всей Церковью» (ЦИ V 24.16–17). Очевидно, что подобные прямые контакты в конфликтных ситуациях были естественным средством разрешения проблем, однако вместе с тем они имели и свои границы, будучи тесно связаны с личностью конкретного епископа, его стремлением к церковному единству и пониманием критериев этого единства. В данном случае предстоятели двух кафедр евхаристически продемонстрировали, что пасхалическое расхождение не является вероучительным, а литургический вопрос не должен разделять Церковь, в которой могут мирно сосуществовать различные практики совершения Пасхи.

Однако через несколько десятилетий, когда на римскую кафедру взошел властный епископ Виктор, произошел новый серьезный конфликт. Ок. 195 г. он попытался «отлучить за инакомыслие асийские и сопредельные с ними церкви; клеймил всех тамошних братьев письменно, огульно объявляя их отлученными» (ЦИ V 24.9). Именно в этот период растущей эскалации мы встречаем упоминание «соборов и совещаний», созывавшихся в различных церковных областях для рассмотрения проблемы. Не только западные (Рим, Галлия), но и восточные соборы (Иеру-

2. Главным источником по истории пасхальных споров II в. является «Церковная история» (ЦИ) Евсевия Кесарийского, в которой приводится ряд важных документов той эпохи (*Евсевий Памфил*. Церковная история. М., 1993).

салим, Кесария и др.) «единодушно постановили — и письменно сообщили это церковное решение всем верующим — праздновать таинство Христова Воскресения не в иной какой день, а только в день Господень» (ЦИ V 23.2), т.е. поддержали римскую практику. Собор был собран и в Асии, также «единомысленно» высказавшись в поддержку своей четыренадесятнической традиции, о чем Поликрат Ефесский сообщил в послании епископу Виктору (ЦИ V 24.8).

В контексте пасхальных споров II в. соборы, очевидно, рассматривались как инструмент подтверждения единства литургической практики той или иной церковной области и легитимации полномочий епископа как ее выразителя. Они созывались, когда проблема переставала быть локальной, выходила на межцерковный уровень и воспринималась как ощутимое нарушение церковного единства. Евсевий особо подчеркивает, что решение на местных соборах принималось на основании консенсуса: они «единомысленно вынесли одно и то же решение и голосовали за него», «решение было единым» и т.д. (ЦИ V 23.4). Тем самым в качестве базового уровня церковного единства рассматривалось единство местной церкви — только после достижения ею консенсуса на своем соборе она приступала к обсуждению вопроса с другими церковными областями. Однако сфера влияния и инструментарий этих соборов естественным образом были ограничены, поскольку их позиция заключалась прежде всего в сохранении своей собственной традиции и не характеризовалась стремлением понять логику другой стороны[3]. Не существовало механизма созыва широких представительных собраний епископов различных церковных областей, а личные контакты предстоятелей (в том числе и путем обмена посланиями) были коммуникационно недостаточными.

3. Вероятно, четыренадесятническая Пасха была более древним эсхатологическим праздником, во время которого христиане ожидали Второго пришествия Христа, а их пост был «постом за иудеев», поэтому его датой могло быть только 14 нисана (см., например: Lohse, B. (1953) *Das Passafest der Quartadecimaner*. Gütersloh). Пасха же остальной Церкви (в Риме ежегодный праздник Пасхи возник в начале II в.) имела более исторический характер, поэтому в рамках евангельской хронологии она была неразрывно связана именно с «первым днем после субботы» (Мф 28:1 пар.). Возможно, проблема возникла ввиду существования четыренадесятнических общин в Риме и изначально носила локальной характер, став следствием попытки епископа унифицировать литургическую практику в рамках одного города.

Очевидно, что простое арифметическое «единомыслие» большинства местных церквей не гарантировало автоматического достижения церковного единства в том случае, если при этом не учитывалась позиция каждой церкви, в том числе и находящейся в меньшинстве. Тем самым ни одна местная церковь не могла выходить за границы своей канонической компетенции и навязывать свою позицию другим. Однако именно поддержку большинства епископ Виктор воспринял как карт-бланш на жесткое давление в отношении несогласных, вплоть до разрыва с ними евхаристического общения. Эта первая исторически зафиксированная претензия римского епископа на вмешательство в дела других церквей, по сути дела, инструментализировала соборы в целях возвышения своей собственной кафедры и вызвала широкую реакцию неприятия. После неправомочной попытки прервать общение с асийцами «Виктора уговаривали подумать о мире, единении с ближними, о любви»; даже епископы, придерживающиеся римской практики, писали «послания с резкими нападками на Виктора», а св. Ириней Лионский «уговаривал Виктора не отлучать целые церкви Божии за то, что они соблюдают издревле переданный им обычай» (ЦИ V 24.11). Вероятно, римский предстоятель совершил просто демонстративный жест, поэтому у нас нет никаких оснований предполагать, что межцерковное общение было действительно осложнено или прервано.

I Вселенский собор

В III в. произошло важное событие в истории пасхалии: в основных христианских центрах империи — Риме и Александрии — начали вычислять дату пасхального полнолуния самостоятельно, независимо от иудейского 14 нисана, однако таким образом, чтобы оно всегда случалось после весеннего равноденствия[4]. Это привело к созданию новых христианских пасхалических систем, однако в различных церковных областях процесс проходил раз-

4. Христиане таким образом отреагировали на введение иудеями новой системы исчисления Песаха, в которой весеннее равноденствие не играло уже никакой роли. Если в пасхальных спорах II в. собственно дата пасхального полнолуния не вызывала сомнений (как четыренадесятники, так и Рим были согласны в том, что необходимо следовать в этом вопросе иудейскому исчислению), через столетие вопрос уже заключался в том, должны ли христиане иметь свои собственные пасхальные таблицы. См. подробнее: *Хулап В.Ф.* Весеннее равноденствие и возникновение христианской пасхалии // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2003 г. М., 2003. С. 146–151.

ными темпами. Некоторые общины (т.н. «протопасхиты» из Антиохийского патриархата) продолжали праздновать Пасху в воскресенье после иудейского праздника (в том числе и когда он случался до весеннего равноденствия), поэтому разница в датах между ними и другими церковными областями могла достигать в отдельные годы пяти недель. Однако, в свою очередь, пасхальные таблицы Александрии и Рима были построены на различных лунно-солнечных циклах и поэтому нередко давали разные даты праздника. Евсевий Кесарийский описывает ситуацию с празднованием Пасхи в начале IV в. следующим образом: «Все народы много уже лет касательно сего предмета находились в разногласии, божественные постановления приходили в замешательство, когда извращение времени в отношении к одному и тому же празднику возбуждало величайший раздор между празднующими... В этих обстоятельствах не было человека, который мог бы найти врачевание против такого зла»[5]. Проблема в то время, очевидно, распадалась на три составляющие: основной вопрос о необходимости совместного празднования Пасхи всеми христианами (общехристианское единство); принцип независимости христианской пасхалии (самостоятельное вычисление даты пасхального полнолуния); выбор наиболее совершенной христианской пасхалической системы, на которую должны были ориентироваться все церкви (александрийская или римская). Ответы на эти вопросы требовали общецерковного решения, инструментом принятия которого призван был стать I Вселенский собор. Очевидно, что император Константин осознавал необходимость решения проблемы не только для умиротворения внутрицерковной жизни, но и в политических целях достижения единства религиозной практики в пределах всей Римской империи.

Однако в числе правил Никейского собора нет ни одного канона, посвященного определению даты празднования Пасхи. Приводимое у Евсевия послание императора Константина к епископам, отсутствовавшим на соборе[6], сообщает о решении пасхального вопроса следующее: «Было исследование касательно святейшего дня Пасхи, и общим мнением признано за благо: всем и везде праздновать ее в один и тот же день». В тексте подчеркивается, что церковное единство и дата празднования Пасхи тесно

5. *Евсевий*. Жизнь Константина (ЖК) III 5 (*Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998).

6. Ср.: *Сократ*. Церковная история I 9; *Феодорит*. Церковная история I 10.

связаны друг с другом: «касательно такого праздника веры поддерживать разногласие беззаконно, ибо Спаситель наш дал нам один день для празднования нашего освобождения… и благоволил, чтобы одной и той же была вселенская Его Церковь… Посему божественный Промысл благоволил, чтобы это надлежащим образом было исправлено и приведено к одному порядку» (ЖК III 18). Судя по всему, в Никее были достигнуты определенные соглашения, однако они не были облечены в форму обязательного для всех правила[7]. Принятие формализованного решения должно было включать в себя и общецерковный механизм его реализации, которого в то время не существовало ввиду большой степени самостоятельности местных церквей. Поэтому жесткие предписания о необходимости унификации практики (особенно содержащие церковные наказания за их неисполнение) имели бы прямо противоположный эффект и только усугубили бы ситуацию. Собор рассматривал достижение церковного единства не как результат давления и навязывания определенной практики «сверху», а как совещательный процесс, к которому в качестве равноправных участников приглашались все местные церкви.

В отношении независимости даты христианской Пасхи послание отмечает, что участникам собора «показалось неприличным праздновать тот святейший праздник по обыкновению иудеев», поскольку «нам указан Спасителем другой путь», на который необходимо «вступать единомысленно» (ЖК III 18). Вероятно, аргументированная позиция большинства церквей была добровольно принята представителями антиохийцев в ходе соборных дискуссий: «порядок, которому в этом отношении следуют все церкви западных, южных, северных и некоторых восточных епархий империи, действительно благоприличен и потому в настоящее время всеми признан единым» (ЖК III 19)[8]. Эти немногочисленные церковные области, следовавшие протопасхитской традиции, которую они совершенно искренне считали апостоль-

7. «Никаких твердых постановлений не было издано… Самое большое, что они [отцы Собора. — *Прим. авт.*] могли сделать, — это постановление незаписанное, неоформленное, имеющее характер товарищеского соглашения» (*Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. II. СПб., 1910. С. 436).

8. В послании, с которым собор обратился по окончании своей деятельности к египетским и ливийским епископам, сообщалось о достигнутых результатах: «Решено дело и о согласном праздновании Пасхи, так что все восточные братья, прежде праздновавшие Пасху вместе с иудеями, отныне будут праздновать ее согласно с римлянами, с нами и со всеми, которые издревле хранят ее по-нашему» (*Сократ.* Церковная история. I 9).

ской (или, по крайней мере, более древней), вступали в противоречие с церковными центрами, в которых были сосредоточены лучшие компутистские и церковно-административные силы. Однако и в этом случае речь не шла ни о простом безусловном «сохранении традиции», ни о позиции силового введения единой практики при поддержке императорской власти. Собор стал площадкой для свободного диалога равноправных сторон, в рамках которого они получили возможность выразить свою позицию, услышать другую точку зрения и прийти к общему решению. Сам тон императорского послания показывает («на что, думаю, все согласятся»; «понравится и вашему благоразумию» — ЖК III 18–19), что государственная власть не использовала свой административный ресурс для форсирования унификации практики, но лишь обеспечивала внешние рамки для принятия Церковью самостоятельного и независимого решения.

Церковное единство было главной целью собора, однако он не предложил конкретных шагов для ее достижения. Проблема разработки или выбора единой пасхалии была очень сложна (в том числе и с точки зрения астрономических реалий[9]), поэтому участники воздержались от обязательного предписания, ограничившись декларацией о необходимости единства и независимости христианских пасхальных таблиц. В ходе дискуссий с антиохийцами различия между Римом и Александрией были затушеваны, и их практика представлялась как якобы единая по сравнению с «восточными». Безусловно, собору было известно о расхождениях александрийской и римской пасхалии[10], однако его участники, стремившиеся к достижению единства, не стали акцентировать внимание на противоречиях и не пытались ответить на вопрос, какая из них является более «правильной». Поэтому I Вселенский собор нельзя рассматривать как окончатель-

9. Проф. Болотов замечает по этому поводу: «Если теперь нелегко обсуждать цифровые величины, то тем труднее это было в то время и притом для лиц с старческою сединою» (*Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. С. 436).

10. Обе они были основаны на принципе, согласно которому Пасха должна совершаться в первый воскресный день после первого полнолуния, следующего за весенним равноденствием, однако разница заключалась в дате весеннего равноденствия, лежавшем в основании пасхалии цикле (8- и 19-летний цикл) и пасхальных границах, т.е. предельных датах празднования Пасхи. Поэтому она могла совершаться на Западе с 20 марта по 21 апреля, а на Востоке — с 22 марта по 25 апреля. На первый взгляд эти расхождения являются несущественными, однако на практике они были очень ощутимыми. (См. подробнее об устройствах этих пасхалий: Mosshammer, A. (2008) *The Easter Computus and the Origins of the Christian Era*. Oxford, p. 109–203).

ную точку в решении пасхального вопроса; скорее, он стал первой общецерковной попыткой подойти к этой тематике, продемонстрировав многоплановость проблемы, необходимость дифференциации рассматриваемых вопросов по степени важности и пастырской осмотрительности в их решении.

Послесоборная ситуация

Несмотря на торжественное оглашение императором Константином решения Никейского собора о едином общехристианском праздновании Пасхи, оно не имело ощутимых результатов. Ряд антиохийских общин еще долгое время продолжал следовать протопасхитской практике, что побуждало соборы продолжать обсуждение пасхалической тематики. Так, Антиохийский собор в 341 г. был вынужден вновь обратиться к этому вопросу в своем 1-м правиле, однако уже вводя канонические прещения против продолжавших праздновать Пасху «с иудеями»[11]: «Все дерзающие нарушати определение святого и великого собора в Никеи бывшаго... о святом празднике спасительныя Пасхи, да будут отлучены от общения и отвержены от Церкви... Аще же кто из предстоятелей Церкви, епископ или пресвитер, или диакон, после сего определения, дерзнет к развращению людей, и к возмущению церквей, особитися, и со иудеями совершати Пасху: такового святый собор отныне уже осуждает быти чуждым Церкви»[12]. Никейский собор не мог решиться в свое время ни на такую риторику, ни на такие строгие меры, поскольку стремился к достижению принципиального согласия по вопросу. Но и такой рестриктивный соборный подход не сразу смог положить конец практике протопасхитов[13].

11. Речь в правиле идет именно о принципиальной независимости христианского исчисления праздника, а не о невозможности его совершения в один день с иудейским. Даты иудейской и христианской Пасхи неоднократно совпадали: например, в IV в. такое совпадение было 10 раз, в V в. — 9 раз, и в последний раз оно случилось в 783 г. (Доклад проф. Болотова В.В. на заседании Комиссии по вопросу о реформе календаря от 31 мая 1899 г. // Журналы заседания Комиссии по вопросу о реформе календаря при Русском астрономическом обществе. Приложение 5. СПб., 1900. С. 44).
12. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима (Милаша), епископа Далматинско-Истрийского. Т. II. М., 1996. С. 50.
13. 7-е Апостольское правило (2-я пол. IV в.) сформулировано еще более жестко: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, святый день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновати будет: да будет извержен от священного чина» (Там же. Т. I. С. 65). Вероятнее всего, проблема решилась естествен-

Однако и церкви, имевшие свои собственные пасхальные таблицы, также продолжали праздновать Пасху в разные даты: так, уже через год после Никеи, в 326 г., Александрия и Рим совершали Пасху 3 и 10 апреля соответственно[14]. Компромиссную попытку решения проблемы предложил Сердикский собор (343 г.), на котором был реабилитирован св. Афанасий Александрийский. Вместе с «западными» святитель принял и утвердил специальную пасхальную таблицу, в которой путем взаимных уступок были установлены пасхальные даты на последующие 50 лет[15]. Соборный компромисс в Сердике имел не только пасхалический, но и церковно-политический характер, его принципиальная важность заключалась в том, что Церковь соборно признала возможность параллельного сосуществования двух пасхальных циклов при согласовании спорных дат, пусть и на небольшой промежуток времени. Церковное единство таким образом стояло выше приверженности пасхалическим правилам одной из кафедр, а пасхалия рассматривалась как техническое средство для определения Пасхи, которому при церковной необходимости можно было и не следовать. Характерно, что при этом Сердикский собор не попытался ввести какую-то одну пасхалию в качестве общеобязательной, поскольку четко осознавал свои канонические границы.

Однако начиная с V в. ситуация изменилась. Александрийцы хотели сделать свою пасхалию общеобязательной, поэтому Восток, получив поддержку императора, неуклонно совершал Пасху по своим принципам и не обращал внимания на то, что происходило на Западе[16]. Никаких соборных механизмов решения проблемы в этот период предложено и использовано не было, поэтому римская пасхалия постепенно начала уступать свои позиции. Через пасхальные таблицы Викторина (сер. V в.) и Дионисия Малого (525) александрийские принципы вычисления Пасхи были

ным путем, когда александрийская пасхалия постепенно стала общераспространенной на Востоке.

14. *Болотов В.В.* Лекции... С. 444.

15. «В Сердике пришли к соглашению относительно празднования Пасхи. Определен был период в пятьдесят лет, на который римляне и александрийцы всюду объявляли бы о сем празднике по обычаю» (*Афанасий Александрийский*. Оглавление праздничных посланий // PG. 26. Col. 1354).

16. См. об этом периоде: Schmid, J. (1907) *Die Osterfestberechnung in der abendländischen Kirche vom I. Allgemeinen Konzil zu Nicäa bis zum Ende des VII. Jahrhunderts*. Freiburg i. Br.

приняты и на Западе. Окончательная унификация была достигнута лишь во времена правления Карла Великого (742–814 гг.)[17], после чего Пасха в течение восьми столетий совершалась на Востоке и на Западе в один и тот же день. Александрийская пасхалия получила всеобщее распространение не на основании соборного решения Востока и Запада, а благодаря своей большей точности и простоте по сравнению с римским циклом.

Единство в праздновании Пасхи было нарушено в 1582 г. реформой папы Григория XIII. Она была прежде всего реформой пасхалии, изменение же календаря стало вынужденным следствием. При этом папа не просто проводил в жизнь свое единоличное решение, но действовал в духе дискуссий и во исполнение решений Констанцского (1414–18), Базельского (1431–1449), V Латеранского (1512–1517) и Тридентского (1545–63) соборов[18]. Новые пасхалия и календарь были предназначены только для Римско-католической церкви, поэтому они вначале вызвали резкую неприязнь в протестантском мире, но постепенно получили всеобщее распространение на Западе. Православные также резко осудили это нововведение на Константинопольском соборе 1583 г.[19], однако именно с этого периода вопрос из «пасхалического» перешел скорее в «календарную» плоскость, поскольку именно различие «старого» и «нового» стилей было наиболее ощутимым в повседневной жизни, став новым важным фактором конфессиональной и государственной самоидентификации.

Православные дискуссии первой половины XX в.

Начало прошлого века продемонстрировало первые попытки всеправославного осмысления и решения календарной проблемы, которые затем начали принимать конкретные формы. Дискуссии о возможности реформы юлианского календаря и алексан-

17. Ideler, L. (1883) *Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie*. Breslau. Bd. II. S. 298.

18. Папская комиссия решила восстановить те астрономические реалии, которые лежали в основе александрийской пасхалии эпохи I Вселенского собора: 21 марта в качестве даты весеннего равноденствия и пасхальные границы 22 марта — 25 апреля. О предыстории и проведении реформы см.: *Gregorian Reform of the Calendar*: Proceedings of the Vatican Conference to Commemorate Its 400th Anniversary, 1582–1982. Ed. G.V. Coyne, M.A. Hoskin, O. Pedersen. Vat., 1983.

19. См.: Peri, V. (1967) *Due date, un'unica Pasqua: Le origini della moderna disparità liturgica in una trattativa ecumenica tra Roma e Constantinopoli (1582–1584)*. Milano.

дрийской пасхалии начались в православной среде на рубеже XIX–XX вв. в связи с тем, что в ряде государств с преобладанием православного населения все чаще ставился вопрос о переходе на новый стиль. Так, в России в течение XIX века неоднократно предлагалось провести в государстве календарную реформу (например, в 1830 и 1864 гг.), однако никаких практических шагов в этом направлении предпринято не было[20]. В 1899 г. была создана специальная Комиссия по реформе календаря при Русском астрономическом обществе. Этот коллегиальный орган включал в себя представителей различных ведомств, однако и его решения не были проведены в жизнь. Комиссия высказалась за введение «нового русского календаря» на основании т.н. поправки Медлера, предполагающей уменьшение високосных дней на один каждые 128 лет, хотя проф. Болотов, представитель от Святейшего Синода, выступал за сохранение календаря юлианского[21]. Сам факт создания такой дискуссионной площадки с привлечением широкого круга светских (в их числе был Д.И. Менделеев) и церковных специалистов свидетельствовал о необходимости предварительного всестороннего обсуждения возможной реформы, ее последствий для различных сторон общественной жизни.

Первая попытка сбора и анализа мнений Православных церквей была предпринята в 1902 г., когда Константинопольский патриарх Иоаким III направил послание ко всем Поместным церквам, в котором содержался вопрос о возможности реформы церковного календаря. Российский церковный взгляд на проблему был выражен в послании Святейшего Синода от 28.02.1903 г., где говорилось о сложности вопроса и его изучении в рамках упомянутой Комиссии по реформе календаря, причем особо подчеркивалось, что «применение нового стиля в одном гражданском летоисчислении, без изменения пасхалии и без передвижения церковных праздников... особенно не затронет церковных инте-

20. См.: *Наек Е.Л.* Календарный вопрос в дореволюционной России // Преподавание истории в школе. 2009. № 3. С. 35–40.

21. Проф. Болотов отмечал: «Сам я отмену юлианского стиля в России нахожу отнюдь не желательной. Я по-прежнему остаюсь решительным почитателем календаря юлианского... Думаю, что культурная миссия России по этому вопросу состоит в том, чтобы еще несколько столетий удержать в жизни юлианский календарь и через то облегчить для западных народов возвращение от не нужной никому григорианской реформы к неиспорченному старому стилю» (Журнал восьмого заседания Комиссии по вопросу о реформе календаря 21 февраля 1900 г. СПб., 1900. С. 34).

ресов, так как в церковной практике во всей своей силе останется юлианский календарь». Синод призывал отнестись «с большой осторожностью к желанию некоторых переменить календарь, если при этом разуметь перемену и пасхалии, и всего церковного летосчисления», и высказался за «сохранение в церковной практике юлианского календаря, допуская в крайнем случае лишь формальные… перемены»[22]. Отношение других Поместных церквей к календарной реформе в ответ на послание Константинопольского патриарха не было однозначным. Принципиальную возможность принятия нового календаря в случае достижения всеправославного согласия по этому вопросу осторожно выразили Иерусалимская, Элладская и Сербская Церкви; за сохранение юлианского календаря вместе с Россией высказались Румынская церковь и Черногорская митрополия[23]. Константинопольский патриарх в данном случае выступил в качестве инициатора создания каталога вопросов (в числе которых были и другие — о межхристианском/всеправославном единстве), не предлагая какого-то конкретного и, более того, общеобязательного решения, по сути дела лишь осуществляя мониторинг общецерковной ситуации. Результатом обмена мнениями стало еще одно послание Константинопольского синода от 12.04.1904 г., в котором говорилось о недопустимости изменения пасхальных принципов эпохи Никейского собора, нецелесообразности простого удаления разницы в 13 дней между григорианским и юлианским календарем без реформы последнего, указывалось на преждевременность перехода на более совершенный календарь[24].

Однако в России календарный вопрос вскоре приобрел совсем другое звучание на Поместном соборе 1917–1918 гг. и потребовал скорейшего решения в связи с изменением политической ситуации в стране. Советское правительство приняло «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря» от 24.01.1918 г., вводивший григорианский календарь в феврале 1918 года. Поэтому собор был поставлен не просто перед теоретическим вопросом о возможности календарной реформы, но перед практической необходимостью оперативно реагировать на введение нового государствен-

22. *Соколов И.И.* Доклад «Отношение православного Востока к вопросу о реформе календаря» на Всероссийском Поместном Соборе 1917–18 гг. // БТ. 1998. Сб. 34. С. 284–285.

23. Официальные ответы Церквей на послание Константинопольского патриарха см.: Там же. С. 282–285.

24. Там же. С. 285.

ного стиля, разница с которым составляла 13 дней. Рассмотрение проблемы было передано общему собранию двух отделов собора — «О богослужении» и «О правовом положении Церкви в государстве», подготовившему проект соборного деяния по вопросу о календаре. В ходе представления результатов работы отделов участникам собора 30 января 1918 г. проф. С.С. Глаголев указал, что «введение нового стиля в гражданской жизни русского населения не должно препятствовать церковным людям сохранять их церковный уклад и вести свою религиозную жизнь по старому стилю», тем самым принципиально признавалась возможность сосуществования в обществе государственного и церковного календарей. В случае немедленной календарной реформы ввиду богослужебных реалий 1918 года неизбежно возникал ряд неразрешимых уставных проблем (например, продолжительность Великого поста), в связи с чем делалось заключение о том, что «Церковь… в настоящее время не может перейти на новый стиль». Характерно, что календарная реформа рассматривалась не как внутреннее дело одной Поместной церкви, но включалась в более широкий контекст общего всеправославного ответа на вызовы эпохи: «Введение нового стиля имеет другую цель — установление единения… Но в настоящее время переход Русской Церкви на новый стиль прежде всего повлек бы за собой не объединение, а разъединение. Все Православные Церкви ведут свой церковный круг по старому стилю… Поэтому введение нового стиля в Русской Церкви было бы в некотором отношении разрывом ее с другими Православными Церквами. Вопрос о перемене стиля должен стать предметом обсуждения и быть решенным всеми Православными Церквами совместно». После критики различных составляющих григорианского календаря высказывалось мнение о том, что «новый календарь нужен, и желательно, чтобы он стал общим календарем народов, но напрасно думают, что григорианский календарь удовлетворяет требованиям идеального календаря». Юлианский календарь рассматривался как важный признак православной идентичности, поскольку в ходе западной экспансии «введение григорианского календаря в разных странах осуществлялось далеко не мирным путем». Итоговое постановление звучало так: «1) в течение 1918 года Церковь в своем обиходе будет руководствоваться старым стилем, 2) поручить Богослужебному Отделу разработать в подробностях дело применения стилей во всей жизни Церкви»[25]. Очевидно, что

25. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 6. М., 1918. С. 186–188.

в сложившейся ситуации это было наиболее правильное решение, поскольку оно предполагало отказ от автоматического следования изменчивым государственным реалиям и необходимость соборной разработки собственной церковной позиции.

21 января 1919 г. патриарх Московский Тихон обратился к Константинопольскому патриарху Герману с посланием, в котором сообщал о введении в государстве нового стиля и просил обратиться к предстоятелям всех Православных церквей с вопросом о возможности введения в церковной жизни григорианского календаря. В тексте предлагались четыре возможные пути решения проблемы: 1) сохранить юлианский календарь с небольшими модификациями (например, перенести начало года на гражданское 1 января), что «легко применимо лишь там и до тех пор, где и пока правящие классы находят нужным считаться с нуждами и мнением православного населения», однако при этом «остаются совсем неразрешенными и неустраненными все те затруднения и опасности, которыми... вызвана и самая постановка вопроса о новом стиле»; 2) полностью перейти на новый стиль (в том числе и в отношении пасхалии), что было бы удобнее всего осуществить 3 июня 1919 г., однако это «способно создать великое смущение умов среди людей ревностных, но мало осведомленных в вопросах веры и церковной дисциплины»; 3) праздновать Пасху по юлианскому календарю, неподвижные праздники — по новому стилю (это вызвало бы уставные проблемы, но решение некоторых из них предлагалось); 4) дать возможность каждой Поместной церкви выбрать второй или третий путь из указанных, при этом «то или иное решение не должно считаться основанием для разрыва церковного общения»[26]. Тем самым патриарх Тихон обозначил наличие различных подходов к решению календарной проблемы в рамках сохранения общецерковного единства, во многом предвосхитив дальнейшие шаги в этой области в XX веке.

10 мая — 8 июня 1923 г. Константинопольский патриарх Мелетий IV собрал т.н. «Всеправославный конгресс»[27], который в числе прочего должен был обсудить возможность проведения календарной реформы, необходимость которой объяснялась введением

26. Послание Патриарха Тихона к Константинопольскому патриарху Герману о переходе на новый календарный стиль // «В годину гнева Божия...» Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2009. С. 81–85.

27. См.: *Якимчук И.З.* «Всеправославный конгресс» // Православная энциклопедия. Том IX. М., 2005. С. 680–683.

нового стиля в государственной жизни. Несмотря на очевидно недостаточную репрезентативность (в совещании приняли участие всего 5 епископов, 1 архимандрит и 4 мирянина, представлявшие Константинополь, Кипр, Сербию, Элладу и Румынию), было принято «Постановление о стиле времяисчисления». В документе заявлялось, что «уничтожение разницы между церковным и государственным исчислением времени является безусловно необходимым и... не имеется никаких канонических препятствий для исправления церковного времяисчисления согласно данным астрономической науки». В связи с этим было предложено «единомысленно исправить юлианский календарь», отбросив 1 октября 1923 г. разницу в 13 дней и введя т.н. «новоюлианский» календарь, предложенный сербским ученым М. Миланковичем[28]. Также было предложено вычислять Пасху не по александрийской пасхалии, а определять пасхальное полнолуние «на основании астрономических вычислений, принимая в соображение достигаемые наукой успехи», то есть составить новые астрономические пасхальные таблицы[29]. Безусловно, этот конгресс не может рассматриваться как «всеправославный», поскольку на нем не было полноты православного представительства, а календарный вопрос предварительно не был соборно обсужден на уровне каждой Поместной церкви, и поэтому участники совещания не имели соответствующих полномочий. По сути дела, Константинопольский патриархат попытался осуществить никем не делегированную ему функцию — провести реформу календаря и пасхалии во всех Поместных церквах.

Неудивительно, что такая неподготовленная реформа и отсутствие надлежащей рецепции со стороны верующих привели к серьезным проблемам — в ряде стран возникли т.н. «старостильные расколы», вызванные неприятием нового календаря[30]. Тем самым единство, к которому стремились участники совеща-

28. Он имеет период в 900 лет, в течение которых число високосных лет уменьшается на 7, и до 2800 г. совпадает с григорианским календарем.

29. Цит. по: *Харитон (Дунаев), иером.* Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях по документам и записям инока. Аренсбург, 1927. С. 130–131.

30. Они затронули прежде всего церкви Греции, Болгарии, Румынии, Сербии. См. подробнее: *Слесарев А.В.* Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009. Характерно, что никакие другие решения «Всеправославного конгресса» не были претворены в жизнь (разрешение брака после рукоположения и повторного брака духовенства, сокращение богослужения и постов и т.д.).

ния, на деле обернулось новыми церковными разделениями. Однако постепенно в течение XX в. на новоюлианский календарь перешли все Поместные церкви, кроме Иерусалимской, Русской, Грузинской и Сербской (а также монастырей горы Афон)[31]. Вместе с тем реформа осталась половинчатой, поскольку новый календарь был введен только для неподвижных праздников, планы же по изменению пасхалии не были реализованы (исключением стала Финляндская православная церковь, перешедшая на григорианскую пасхалию).

Эхо этой календарной реформы вскоре прозвучало и в России. В июне 1923 г. на новый стиль перешли подконтрольные государству «обновленцы». В послании патриарха Тихона о реформе календаря от 01.10.1923 г. говорилось о «необходимости исправления церковного времяисчисления, вызываемой несоответствием его современным данным астрономической науки, а также неудобством для православных людей совершать свои праздники в те дни, которые не считаются днями отдыха по советскому законодательству». Проведение реформы календаря обосновывалось решениями Поместного собора 1917–18 гг. и «Всеправославного конгресса» 1923 г., изменение же пасхалии должно было осуществляться только после всеправославного согласования вопроса. Патриарх Тихон подчеркивал: «Исправление календаря церковного производится нами в ином духе и с иною целью, нежели вождями именуемых „обновленцев“... Мы обязаны согласоваться в церковном времяисчислении со всеми другими Христианскими Православными Церквами»[32]. Однако проводимая под давлением государства реформа столкнулась с неприятием верующих: новый стиль, скомпрометированный обновленцами, был введен только на московских приходах[33]. Патриарх был дез-

31. 18 марта 2014 г. Архиерейский собор Польской православной церкви, в которой новый стиль был введен в 1924 г., принял решение о возврате к юлианскому календарю «в связи с тем, что большинство приходов (96%) совершают праздники по старому (юлианскому) стилю... Там, где необходимо, может использоваться новый стиль» (Komunikat Św. Soboru Biskupów PAKP // Oficjalna Strona Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. 19.04.2014 [http://www.orthodox.pl/wp-content/uploads/2014/03/Komunikat.pdf, accessed on: 15.12.2014]).

32. Послание Патриарха Тихона к православному народу о реформе календаря в Русской Православной Церкви // Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 362.

33. См.: *Сафонов Д.* Был ли Патриарх Тихон сторонником введения нового стиля? // Православие.Ru. 17.01.2003 [http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-newstyle.htm, доступ от 15.12.2015].

информирован о том, что новый календарь якобы единогласно приняли все Православные церкви, поэтому, получив информацию об истинном положении дел, в послании от 08.11.1923 г. он постановил: «Мы признаем необходимым повсеместное и общеобязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить»[34]. Подобное изменение позиции ясно показало, что реформа, проведенная под давлением или на основании неточной информации, может быть отменена ради церковного блага.

Всеправославное совещание глав и представителей Автокефальных православных церквей, проходившее в Москве в июле 1948 года, также затронуло вопрос календаря, который продолжал стоять на повестке дня. В резолюции «О церковном календаре» было высказано «стремление к сохранению общецерковного единства», участники пришли к выводу, «что ценность календаря для Православной Церкви определяется, главным образом, отношением его ко времени празднования Святой Пасхи… Этому церковному требованию вполне удовлетворяет александрийская пасхалия». Было признано «обязательным для всего православного мира совершать праздник Святой Пасхи только по старому (юлианскому) стилю, согласно александрийской пасхалии». Собрание не касалось деталей возможной календарной реформы, но подчеркнуло, что «до того времени, когда будет выработан и утвержден самый усовершенствованный календарь… для неподвижных праздников каждая Автокефальная Церковь может пользоваться существующим в этой Церкви календарем». При этом было признано «обязательным для клириков и мирян следовать стилю той Поместной Церкви, в пределах которой они проживают»[35]. Тем самым Совещание указало на необходимость совместного празднования Пасхи, подтвердило легитимность сосуществования различных стилей и свободу каждой Поместной церкви в исчислении дат неподвижных праздников, одновременно сохранив возможность создания нового единого календаря.

34. Распоряжение Патриарха Тихона об отмене постановления о введении в церковное употребление нового календарного стиля // Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 363.

35. Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви 8–18 июля 1948 года. Т. 2. М., 1949. С. 432–433.

На пути к Всеправославному собору

Если первую половину XX в. можно рассматривать как начальный этап формирования общеправославных ответов на актуальные вопросы современности, то в 1960-е гг. был инициирован собственно предсоборный процесс, имеющий целью подготовку Всеправославного собора[36]. I Всеправославное совещание на о. Родос в 1961 году включило в раздел «Управление и церковный строй» тему «Календарная проблема. Ее изучение в свете решения Первого Вселенского Собора о пасхалии и изыскание пути к сотрудничеству между церквами в этом вопросе»[37]. Каталог тем был одобрен Священным синодом Русской православной церкви 28.12.1961 г.[38], а для разработки позиций по ним в 1963 г. была сформирована специальная богословская комиссия, которую возглавил митрополит Никодим (Ротов); в 1968 г. она подготовила проекты резолютивных документов.

В проекте заключения по вопросу «Календарная проблема» подчеркивалось, что «увековечить существующие расхождения между Православными Поместными Церквами в вопросе календаря и пасхалии было бы крайне неполезно». Комиссия указала, что канонических правил о календаре не существует, а канонические нормы в отношении пасхалии сводятся к одновременному общецерковному празднованию в воскресенье после первого полнолуния, следующего за весенним равноденствием, причем независимо от даты иудейской Пасхи; для изменения этих норм «в настоящее время нет веских оснований». Календарь должен быть «максимально точным в тропическом отношении», а в качестве «наиболее естественного пути решения календарно-пасхалической проблемы» предлагался «переход всех Поместных Православных Церквей на исправленный (новоправославный или григорианский) календарь — и в части месяцеслова и в части пасхалии», что также привело бы к значительному совпадению во-

36. См. об основных этапах подготовки: *Скобей Г.Н.* Всеправославный собор // Православная энциклопедия. Том IX. М., 2005. С. 683–685.

37. Этот вопрос был включен в список тем уже Ватопедской межправославной комиссией 1930 г. для рассмотрения на Предсоборе Православных церквей (Ionita, V. (2014) *Towards the Holy and Great Synod of the Orthodox Church: The Decisions of the Pan-Orthodox Meetings since 1923 until 2009*. Basel, p. 113).

38. Определения Священного Синода [1962.12.28: о работе делегации РПЦ на Всеправославном Совещании на о. Родосе] // Журнал Московской патриархии. 1962. №3. С. 11.

сточной и западной пасхалий. В том случае, если будет принято всеправославное решение о едином календаре и пасхалии, оно должно быть обязательным для всех церквей, однако «в вопросе реализации этого решения (ее методов и темпов) многое должно быть предоставлено на усмотрение Поместных Церквей»[39].

Межправославная комиссия по подготовке Собора в 1971 г. рассмотрела предложения Поместных церквей и составила проекты соответствующих документов[40]. В рамках работы I Всеправославного предсоборного совещания в Шамбези (21–28.11.1976 г.) одна из комиссий занималась вопросом о целесообразности включения календарной тематики в повестку дня предстоящего собора. Было отмечено, что «празднование Пасхи в различные даты христианскими Церквами является вызовом всему христианскому миру», а также является серьезной проблемой для православных, живущих в странах, где они являются меньшинством. Предложив «согласовать церковный календарь с астрономическими данными», члены комиссии одновременно указали на различные составляющие проблемы: 1) пастырское измерение вопроса, которое включает в себя риск «вызвать волнения и прибавить новые разделения в недрах народа Божия», поскольку «множество верующих в психологическом и вообще пастырском отношениях не подготовлены к этому изменению»; 2) забота о целостности Православной Церкви, подразумевающая, что совершение Пасхи по юлианскому календарю «представляется как поиск самобытности и верности православию для некоторых Поместных Церквей, которые непосредственно связаны с серьезной проблемой прозелитизма»; 3) необходимость верности I Вселенскому собору, что должно выражаться в неизменности принципов вычисления Пасхи; 4) неправославное происхождение требований относительно общехристианского празднования Пасхи, поскольку-

39. Комиссия при Священном Синоде Русской Православной Церкви по разработке каталога тем Всеправославного предсобора. Проекты резолютивных документов 1968 г. // Митрополит Никодим и всеправославное единство. К 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) / Сост. прот. В. Сорокин. СПб., 2008. С. 181–182.

40. В рамках подготовительной работы были проведены и опубликованы важные для Русской православной церкви богословские исследования по вопросу: *Воронов Л., прот.* Календарная проблема. Ее изучение в свете решения Первого Вселенского Собора о пасхалии и изыскание пути к сотрудничеству между Церквами в этом вопросе // БТ. 1971. Сб. 7. С. 170–203; *Огицкий Д.П.* Канонические нормы православной пасхалии и проблема датировки Пасхи в условиях нашего времени // Там же. С. 204–211.

ку «Православные Церкви начали обсуждать этот вопрос под давлением факторов, чуждых ее церковной жизни. Православные не ощущают в настоящее время нужды изменять дату празднования Пасхи. По всем этим причинам некоторые делегаты считают, что Великий и Святой Собор Православной Церкви не должен принимать решений по данному вопросу». Совещание подчеркнуло необходимость искать «сбалансированный подход по данному вопросу и избегать всякой поспешности во всеправославном высказывании», а также провести конференцию специалистов в этой области[41].

II Всеправославное предсоборное совещание, прошедшее в 1982 г. в Шамбези, признало астрономический расчет пасхалии возможным «вкладом в решение вопроса», однако вместе с тем указало, что проблема «является вопросом экклезиологического (церковного) самосознания единого и неделимого Православия, единство которого никоим образом или способом не должно быть поколеблено». Пастырские реалии таковы, что «при современном положении церковных дел верующий народ Божий не подготовлен или, во всяком случае, не был достаточно осведомлен, чтобы принять изменения в определении даты Пасхи». В связи с этим пересмотр пасхалии было предложено «оставить на более благоприятное, угодное Богу время». Участники совещания особо подчеркнули необходимость преодоления возникших на календарной почве расколов, призвав «тех, которые не согласны со своей канонической Церковью, принять освященный Преданием священный принцип послушания канонической Церкви и воссоединиться в ее лоне в евхаристическом общении»[42].

В рамках межхристианских дискуссий по проблеме важным стало совещание, организованное Всемирным Советом Церквей

41. Первое Предсоборное Всеправославное совещание // Журнал Московской патриархии. 1977. №2. С. 10–12. Эта конференция прошла в Шамбези летом 1977 года и пришла к следующим выводам: 1) вычисление Пасхи по астрономическим данным «находилось бы в полном соответствии с буквой и духом определений I Никейского Вселенского Собора относительно времени празднования Пасхи»; 2) разница между пасхалическим и астрономическим равноденствием составляет 13 дней, между пасхалическими и реальными полнолуниями — 5 дней; 3) «астрономическое определение даты Пасхи не зависит от специального календаря или каких-либо формул, но основывается на точных наблюдениях и астрономических расчетах»; 4) при астрономическом вычислении даты Пасхи она будет совершаться после иудейского праздника (*Филарет, митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх Украины.* О решениях Второго Предсоборного Всеправославного Совещания // Журнал Московской патриархии. 1983. №9. С. 48).

42. Там же. С. 48–49.

в Алеппо (Сирия) в 1997 году и предложившее всем христианам совместно начать праздновать Пасху с 2001 г. по специальным астрономическим пасхальным таблицам[43], однако никаких дальнейших практических шагов в этом направлении предпринято не было.

17 февраля 1997 г. Священный синод Русской православной церкви издал специальное постановление по календарной проблеме: «Свидетельствовать, что в нашей церковной и общественной среде юлианский календарь (старый стиль) отождествляется с частью национальной духовной традиции, приверженность которой стала нормой религиозной жизни миллионов людей. В связи с этим ясно заявить, что вопрос об изменении календаря в нашей Церкви не стоит»[44]. Нынешнюю ситуацию в России в рамках телепрограммы «Церковь и мир» (30.12.2012 г.) исчерпывающе резюмировал председатель Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви митрополит Волоколамский Иларион: «Я считаю, что переходить на новоюлианский или григорианский календарь для нас нет никакой необходимости. Возможно, впоследствии эта необходимость возникнет и будет осознана. Действительно, существуют определенные расхождения между юлианским календарем, по которому живет наша церковь, и астрономическим календарем, и с течением веков эти расхождения накапливаются, но я думаю, что вопрос календаря не стоит настолько остро, чтобы нам нужно было принимать какие-то неотложные меры — тем более, что наш церковный народ этого не просит и, скорее всего, воспримет подобные меры отрицательно. Я не вижу сейчас никаких предпосылок для перехода на новый стиль, хотя не исключаю, что в будущем — скорее всего, весьма отдаленном — какие-то календарные реформы будут проведены»[45].

43. Towards a Common Date for Easter. World Council of Churches/Middle East Council of Churches Consultation in Aleppo, Syria (March 5–10, 1997) // World Council of Churches. 10.03.1997 [https://www.oikoumene.org/en/resources/documents/commissions/faith-and-order/i-unity-the-church-and-its-mission/towards-a-common-date-for-easter/index, accessed on 15.12.2015].

44. Определения Священного Синода [1997.02.17: о возникших в церковной среде дискуссиях по календарному вопросу] // Журнал Московской патриархии. 1997. №3. С. 4.

45. *Иларион (Алфеев)*, митр. Всякий Новый год — и церковный, и гражданский — это возможность поблагодарить Бога // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. 02.01.2013 [http://www.patriarchia.ru/db/text/2686699.html, доступ от 15.12.2015].

Заключение

Из представленного исторического обзора видно, что календарно-пасхалическая проблематика неоднократно появлялась в общецерковной повестке дня, причем она могла приобретать разное звучание: стремление к общей дате Пасхи в первом тысячелетии, межконфессиональные различия после проведения григорианской реформы в XVI в., поиск всеправославных ответов на изменившиеся общественно-политические условия XX–XXI вв. Ни одна из эпох не смогла предложить быстрой для реализации и приемлемой для всех «формулы» решения вопроса. Тем не менее соборный процесс всегда играл важную роль в ходе поиска путей достижения единства, являясь важным противовесом попыткам навязать ту или иную модель «сверху». Исходной точкой рассмотренных дискуссий всегда было литургическое многообразие, легитимное существование которого (причем не только в отношении календаря и пасхалии) не разделяет Церковь, но, напротив, выявляет в разнообразии богослужебных форм ее внутреннее единство. Модели достижения и сохранения единства могут быть разными, однако его высшей точкой является евхаристическое общение, позволяющее мирно сосуществовать и взаимно дополнять друг друга различным традициям, как показывает пример св. Поликарпа Смирнского и папы Аникета во II веке. Редукция же церковного единства к глобальной унификации искажает его природу, нарушает права отдельных Поместных церквей и приводит к новым разделениям. Календарная реформа 1923 г. показала, что результатом шагов на пути к заявленному идеалу всеправославного календарного единства на самом деле могут стать новые расколы, разрушающие внутреннее единство Поместных церквей.

Именно поэтому основным механизмом принятия решений на предстоящем Всеправославном соборе должен стать принцип консенсуса, подразумевающий уважение позиции и мнения каждой Поместной церкви, а также не позволяющий автоматически принимать в качестве общеобязательных те или иные решения на основании большинства голосов. Позиция, сформированная той или иной церковью в рамках своих соборных или синодальных структур, должна быть озвучена и услышана другими участниками собора. При этом высокий статус собора не гарантирует автоматически решения проблемы, ведь даже I Вселенский собор не смог решить пасхальный вопрос; более того, он мудро не стал вводить обязательным каноническим порядком во всеобщее и по-

стоянное употребление те или иные унифицированные пасхальные таблицы.

Как видно из обзора событий и документов XX в., процесс осмысления календарного вопроса шел от неосмотрительной попытки провести общеобязательную для всех реформу в 1923 г. ко все большему пониманию пастырской ответственности и специфичности ситуации в каждой отдельной Поместной церкви. Поэтому в случае вынесения календарного вопроса на повестку дня Всеправославного собора необходимо понимать цели и задачи соборных деяний в этой области. По сути дела, все возможные способы решения календарной проблемы можно свести к трем путям: 1) единообразная реформа календаря и пасхалии с учетом астрономических реалий во всех Поместных церквах; 2) самостоятельный выбор каждой церковью того календаря и пасхалии, которые она считает наиболее оптимальными; 3) сохранение всеми церквами общей даты Пасхи согласно александрийской пасхалии и возможность выбора между юлианским или новоюлианским календарем для круга неподвижных праздников. В настоящее время наиболее оптимальным представляется третий путь как сочетающий в себе единство и многообразие, а также позволяющий избежать крайностей авторитаризма первого и волюнтаризма второго вариантов. Именно эта точка зрения была единогласно одобрена на Московском совещании 1948 года.

Соборы нельзя рассматривать изолированно от их предсоборной подготовки и послесоборной рецепции. Подготовка к собору предполагает осмысление исторического опыта, что поможет, с одной стороны, не повторять уже совершенных ошибок, а с другой — лучше понимать современные проблемы. Русской православной церкви хорошо известен печальный опыт неподготовленной богослужебной реформы в XVII в., которая привела к старообрядческому расколу. Пастырская ответственность за верующих на своей канонической территории является важным критерием при принятии решений в этой области той или иной церковью. Календарь — значимая составляющая православной идентичности, и поэтому его сохранение для многих является вопросом религиозной или конфессиональной самоидентификации в современном обществе. В связи с этим Священный синод в 1997 г. ясно сформулировал официальную позицию Русской православной церкви по календарному вопросу. В том случае, если в будущем по тем или иным причинам понадобится ее новое обсуждение и осмысление, для этого создан особый инстру-

мент — Межсоборное присутствие, в рамках которого при необходимости может пройти широкая церковная дискуссия.

Если в первом тысячелетии православная пасхалия развивалась в рамках проактивной деятельности Церкви, то в XX в. позиция Православных церквей была скорее реактивной, являясь попыткой ответа на новые общественные реалии, возникавшие без учета церковного мнения. Решение календарного вопроса нередко упрощенно представляется как «улица с односторонним движением» в сторону всеправославной календарной реформы, однако возвращение Польской православной церкви к юлианскому календарю в 2014 г. показывает, что ситуация более сложна и что ее осмысление требует дифференцированного подхода. Именно поэтому рассмотрение на Всеправославном соборе вопроса о календаре и пасхалии может стать толчком к более активной разработке в церковных академических кругах православно фундированной богословско-теоретической позиции по теме, учитывающей как исторические, так и пастырские реалии, а также предлагающей возможные конкретные шаги в этой области в будущем.

Библиография / References

«В годину гнева Божия...» Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / Сост. Н. Кривошеева. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

Афанасий Александрийский. Оглавление праздничных посланий // PG. 26. Col. 1354.

Болотов В. Лекции по истории Древней Церкви. В 4-х тт. СПб.: Тип. им. Меркушева, 1910.

Воронов Л., прот. Календарная проблема. Ее изучение в свете решения Первого Вселенского Собора о пасхалии и изыскание пути к сотрудничеству между Церквами в этом вопросе // Богословские труды. 1971. Сб. 7. С. 170–203

Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви 8–18 июля 1948 года. В 2-х тт. М., 1949.

Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.

Журналы заседания Комиссии по вопросу о реформе календаря при Русском астрономическом обществе. СПб., 1900.

Иларион (Алфеев), митр. Всякий Новый год — и церковный, и гражданский — это возможность поблагодарить Бога // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 02.01.2013 [http://www.patriarchia.ru/db/text/2686699.html, доступ от 15.12.2015].

Иларион (Алфеев), митр. Межправославное сотрудничество в рамках подготовки к Святому и Великому Собору Православной Церкви // Церковь и время. 2012. № 1 (58). С. 17–52.

Митрополит Никодим и всеправославное единство. К 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) / Сост. прот. В. Сорокин. СПб.: Изд-во Князь-Владимирского собора, 2008.

Наек Е. Календарный вопрос в дореволюционной России // Преподавание истории в школе. 2009. № 3. С. 35–40.

Огицкий Д. Канонические нормы православной пасхалии и проблема датировки Пасхи в условиях нашего времени // Богословские труды. 1971. Сб. 7. С. 204–211.

Определения Священного Синода [1962.12.28: о работе делегации РПЦ на Всеправославном Совещании на о. Родосе] // Журнал Московской патриархии. 1962. № 3. С. 11.

Определения Священного Синода [1997.02.17: о возникших в церковной среде дискуссиях по календарному вопросу] // Журнал Московской патриархии. 1997. № 3. С. 4.

Первое Предсоборное Всеправославное совещание // Журнал Московской патриархии. 1977. № 2. С. 4–14.

Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима (Милаша), епископа Далматинско-Истрийского. В 2-х тт. М.: Отчий дом, 1996.

Сафонов Д. Был ли Патриарх Тихон сторонником введения нового стиля? // Православие.Ru 17.01.2003 [http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-newstyle.htm, доступ от 15.12.2015].

Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. В 10 тт. М.: Изд-е Соборного Совета, 1918.

Скобей Г. Всеправославный собор // Православная энциклопедия. Том IX. М., 2005. С. 683–685.

Следственное дело Патриарха Тихона. М.: Изд-во ПСТГУ, 2000.

Слесарев А. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009.

Соколов И. Доклад «Отношение православного Востока к вопросу о реформе календаря» на Всероссийском Поместном Соборе 1917–18 гг. // Богословские труды. 1998. Сб. 34. С. 279–286.

Филарет, митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх Украины. О решениях Второго Предсоборного Всеправославного Совещания // Журнал Московской патриархии. 1983. №9. С. 46–49.

Харитон (Дунаев), иером. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях по документам и записям инока. Аренсбург, 1927.

Хулап В. Весеннее равноденствие и возникновение христианской пасхалии // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2003 г. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 146–151.

Якимчук И. «Всеправославный конгресс» // Православная энциклопедия. Том IX. М., 2005. С. 680–683.

Athanasius of Alexandria. “Oglavlenie prazdnichnykh poslanii” [“Contents of celebratory messages”], *PG*. 26. Col. 1354.

Bolotov, V. (1910) *Lektsii po istorii Drevnei Tserkvi* [Lectures on the history of the Early Church]. 4 vols. SPb.: Tip. im. Merkusheva.

Coyne, G.V., Hoskin G.V., Pedersen O. (eds.) (1983) *Gregorian Reform of the Calendar: Proceedings of the Vatican Conference to Commemorate Its 400th Anniversary, 1582–1982*. Vatican: Specola Vaticana.

Coyne, G.V., Hoskin, G.V. and Pedersen, O. (eds.) (1983) *Gregorian Reform of the Calendar: Proceedings of the Vatican Conference to Commemorate Its 400th Anniversary, 1582–1982*. Vatican: Specola Vaticana.

Deianiia Soveshchaniia glav i predstavitelei Avtokefal'nykh Pravoslavnykh Tserkvei v sviazi s prazdnovaniem 500-letiia avtokefalii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi 8–18 iiulia 1948 goda [*Acts of the Meeting of the Heads and Representatives of the Autocephalous Orthodox Churches for the Celebration of the Quincentenary of the Autocephaly of the Russian Orthodox Church on 8th-18th July 1948*]. 2 vols. M., 1949.

Iakimchuk, I. (2005) "Vsepravoslavnyi congress" ["Pan-Orthodox congress"], *Pravoslavnaia entsiklopediia* 9: 680–683.

Ideler, L. (1883) *Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie*. Breslau: Wilhelm Koebner.

Alfeyev, H. (2012) Mezhpravoslavnoe sotrudnichestvo v ramkakh podgotovki k Sviatomu i Velikomu Soboru Pravoslavnoi Tserkvi ["Inter-Orthodox cooperation in the context of the preparations for the Holy and Great Council of the Orthodox Church"], *Tserkov' i vremia* 1 (58): 17–52.

Alfeyev, H. (2013) Vsiakii Novyi god — i tserkovnyi, i grazhdanskii — eto vozmozhnost' poblagodarit' Boga [Each New year — ecclesiastical as well as civil — is an opportunity to thank God], *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov'. Ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata*. 02.01.2013 [http://www.patriarchia.ru/db/text/2686699.html, accessed on 15.12.2015].

Ionita, V. (2014) *Towards the Holy and Great Synod of the Orthodox Church: The Decisions of the Pan-Orthodox Meetings since 1923 until 2009*. Basel: F. Reinhardt.

Khariton (Dunaev), ierom. (1927) *Vvedenie novogo stilia v Finliandskoi Pravoslavnoi Tserkvi i prichiny nestroenii v monastyriakh po dokumentam i zapisiam inoka* [Introduction of the new style in the Finnish Orthodox Church and reasons for troubles in the monasteries according to the documents and notes of a monk]. Arensburg.

Khulap, V. (2003) "Vesennee ravnodenstvie i vozniknovenie khristianskoi paskhalii" [Vernal equinox and the origins of the orthodox Easter tables], in *Ezhegodnaia bogoslovskaia konferentsiia PSTBI: Materialy 2003 g.*, pp. 146–151. M.: PSTBI.

Komunikat Św. Soboru Biskupów PAKP 19.04.2014, *Oficjalna Strona Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego* [http://www.orthodox.pl/wp-content/uploads/2014/03/Komunikat.pdf, accessed on 15.12.2015].

Krivosheeva, N. (ed.) (2009) *«V godinu gneva Bozhiia…" Poslaniia, slova i rechi sv. Patriarkha Tikhona* ["In the year of God's wrath". Messages, speeches and addresses of Patriarch St. Tikhon] M.: PSTGU.

Lohse, B. (1953) *Das Passafest der Quartadecimaner*. Gütersloh: C. Bertelsmann Verlag.

Mosshammer, A. (2008) *The Easter Computus and the Origins of the Christian Era*. Oxford: Oxford University Press.

Naek, E. (2009) "Kalendarnyi vopros v dorevoliutsionnoi Rossii" [The calendar question in pre-revolutionary Russia], *Prepodavanie istorii v shkole* 3: 35–40.

Ogitskii, D. (1971) "Kanonicheskie normy pravoslavnoi paskhalii i problema datirovki Paskhi v usloviiakh nashego vremeni" ["Canonical norms of the Orthodox Easter tables and the problem of Easter dating in contemporary conditions"], *Bogoslovskie trudy* 7: 204–211.

Pamphilus, Eusebius (1998). *Zhizn' blazhennogo vasilevsa Konstantina [*The life of blessed Basileus Constantine*]*. M.

Pamphilus, Eusebius (1993). *Tserkovnaia istoriia* [Churh history]. M.

Peri, V. (1967) *Due date, un'unica Pasqua: Le origini della moderna disparità liturgica in una trattativa ecumenica tra Roma e Constantinopoli (1582–1584)*. Milano: Vita e pensiero.

Pravila Pravoslavnoi Tserkvi s tolkovaniiami Nikodima (Milasha), episkopa Dalmatinsko-Istriiskogo [Canons of the Orthodox Church with explanations of Nicodim (Milash), bishop of Dalmatia and Istra] (1996). 2 vols. M.: Otchii dom.

Safonov, D. (2003) Byl li Patriarkh Tikhon storonnikom vvedeniia novogo stilia? [Was patriarch Tikhon a supporter of introducing the new style?], *Pravoslavie.Ru* 17.01.2003 [http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-newstyle.htm, accessed on 15.12.2015].

Schmid, J. (1907) *Die Osterfestberechnung in der abendländischen Kirche vom I. Allgemeinen Konzil zu Nicäa bis zum Ende des VII. Jahrhunderts*. Freiburg i. Br.: Herder.

Skobei, G. (2005) Vsepravoslavnyi sobor [Pan-Orthodox council], *Pravoslavnaia entsiklopediia* 9: 683–685.

Sledstvennoe delo Patriarkha Tikhona [Investigation dossier of patriarch Tikhon]. M.: PSTGU, 2000.

Slesarev, A. (2009) *Starostil'nyi raskol v istorii Pravoslavnoi Tserkvi (1924–2008)* [The old-calendar schism in the history of the Orthodox Church (1924–2008)]. M.: Krutitskoe podvor'e.

Sokolov, I. (1998) Doklad «Otnoshenie pravoslavnogo Vostoka k voprosu o reforme kalendaria" na Vserossiiskom Pomestnom Sobore 1917–18 gg. [Paper "Attitude of the Orthodox Orient to the question of calendar reform" at the All-Russian Local Council of 1917–18], *Bogoslovskie trudy* 34: 279–286.

Sorokin, V. (ed) (2008) *Mitropolit Nikodim i vsepravoslavnoe edinstvo. K 30-letiiu so dnia konchiny mitropolita Leningradskogo i Novgorodskogo Nikodima (Rotova)* [Metropolitan Nicodim and pan-orthodox unity. For the 30th anniversary of the repose of Nicodim, metropolitan of Leningrad and Novgorod]. SPb.: Kniaz'-Vladimirskii sobor.

Sviashchennyi Sobor Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Deianiia [Holy Council of the Orthodox Russian Church. Acts]. 10 vols. M.: Sobornyi Sovet, 1918.

Towards a Common Date for Easter. World Council of Churches/Middle East Council of Churches Consultation in Aleppo, Syria (March 5–10, 1997), *World Council of Churches* 10.03.1997 [https://www.oikoumene.org/en/resources/documents/commissions/faith-and-order/i-unity-the-church-and-its-mission/towards-a-common-date-for-easter/index, accessed on 15.12.2015].

Voronov, L. (1971) "Kalendarnaia problema. Ee izuchenie v svete resheniia Pervogo Vselenskogo Sobora o paskhalii i izyskanie puti k sotrudnichestvu mezhdu Tserkvami v etom voprose" [The Calendar Problem: its study in the light of the decision of the First Ecumenical Council on Easter tables and the search for the way to cooperation between the Churches on this question], *Bogoslovskie trudy* 7: 170–203.

Zhurnaly zasedaniia Komissii po voprosu o reforme kalendaria pri Russkom astronomicheskom obshchestve [Proceedings of the sessions of the Commission on calendar reform at the Russian astronomical society]. SPb., 1900.